

В год 105-летия создания Воронежского аграрного университета как-то символично совпали некоторые юбилейные даты из вузовской истории. Исполнилось 80 лет со дня организации селекционного отделения, 85 лет кафедре селекции и 130 лет со дня рождения первого заведующего этой кафедрой Н.А. Успенского, который проработал в вузе с 1917-го по 1963 год, а также 95 лет самостоятельному курсу селекции. Наиважнейшая из дат — 130-летие со дня рождения Н.И. Вавилова (27 ноября 1887 года), который мог стать заведующим кафедрой селекции Воронежского сельхозинститута.

Все эти события дали повод написать статью о Н.И. Вавилове. К сожалению, общественность юбилей русского гения особо не отметила. Приятным исключением является выход книги известного историка, публициста, писателя, автора ряда книг в серии «ЖЗЛ» С.Е. Резника. В этой серии в 1968 году вышел его первый вариант биографии Вавилова. Сейчас Семен Ефимович живет в США. В прошлом году он издал солидный труд «Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время», кото-

рый можно отметить, пожалуй, как наиболее полное и многоплановое повествование о яркой, но трагической жизни великого ученого. Для меня в этой книге особо важны сведения о Вавилове, связанные с Воронежским СХИ и Каменной Степью. Они впервые были обнаружены и опубликованы в научных трудах нашего вуза.

Николай Иванович Вавилов родился 25 ноября 1887 года. По решению ЮНЕСКО его 100-летний юбилей отмечался во всем мире. Состоялся Международный генетический конгресс, который впервые собрался в Советском Союзе. Одно из пленарных заседаний в Кремлевском дворце — «Вавиловское наследие в современной генетике».

...Громадный зал Дворца съездов переполнен. В Москву съехалось около четырех тысяч ученых со всех концов света. На сцене огромный портрет Вавилова. Все встают, чтобы минутой молчания почтить его память. Никогда не забыть той тишины, лица людей, выражение их глаз... Куда-то ушли суетность будней, привычные штампы восприятия научных съездов и конференций — в зале родилось нечто высокое и светлое, такое, что сильнее разобщенности, границ, конфронтаций. Была и грусть — Вавилова давно нет с нами.

Запомнилось выступление известного американского генетика Дж. Харлана: «Наш век — век больших знаний и малой мудрости. Вавилов знал, как надо ставить вопросы. Он был истинным философом. Он также умел мудро использовать знания. Наследие Вавилова продолжает жить».

Советский ученый Ф.Х. Бахтеев: «Как яркая комета на небосклоне, промелькнула жизнь этого необыкновенного исследователя и человека. Полностью поглощенный глобальной идеей познания возделываемых растений, он успел за этот миг сделать необычайно много, но еще большее научное наследие он оставил нам и грядущим поколениям».

Сегодня Вавилов дорог нам не только своим научным наследием. Опыт его

жизни и деятельности не только ученого-теоретика, но и замечательного организатора науки, а главное — Человека и Гражданина — поистине неоценим. Наш вуз не раз публиковал материалы о жизни и деятельности Николая Ивановича. К 120-летию образования кафедры селекции выпустили двухтомник, посвященный выдающемуся ученому. В 2012 году в сборнике материалов регионального не только ученого опубликовали солидный библиографический очерк о нем... На сей раз хочется отразить малоизвестные факты, «белые пятна» биографии великого ученого, которые неотделимы от Воронежской области, Каменной Степи и Воронежского сельскохозяйственного института.

Будучи молодым ученым, в 1917 году Вавилов подал заявление о приеме его на работу в Воронежский СХИ. Однако вскоре сделал свой выбор в пользу Саратовского сельхозинститута. Во многих публикациях этот шаг ученого объясняется тем, что Саратов в то время был наиболее перспективным центром изучения сельского хозяйства Юго-Востока. Но в Воронеже Вавилову предлагали кафедру, в Саратове он был взят на должность преподавателя. Что же на самом деле послужило толчком к «саратовскому» решению Вавилова? Сколь велика была возможность того, что он мог бы стать профессором Воронежского СХИ и возглавить кафедру селекции?

В государственном архиве Воронежской области, благодаря заведующему вузовским музеем А.В. Курьянову, удалось обнаружить новые документы.

Н.И. Вавилов в то время работал на селекционной станции Московского СХИ, где проводил исследование по иммунитету растений и вел другие работы. Станция состояла при кафедре частного земледелия профессора Д.Н. Прянишникова. 29-летний Вавилов наводит справки о возможных местах работы, где была бы большая самостоятельность и обширный объем исследований. Узнает о вакансии адъ-

юнк-профессора кафедры частного земледелия в Воронежском СХИ. Этому он был несказанно рад. Получив подтверждение от руководства вуза считать его кандидатом на работу в институте, стал готовиться к переезду, но узнает, что должность адъюнкт-профессора уже занята В.Я. Якушкиным. Руководство вуза, памятуя о принятом решении, создает вторую кафедру частного земледелия, где ему предлагают занять должность сверхштатного адъюнкт-профессора. Получив об этом известие, Вавилов написал руководству Воронежского СХИ заявление с выражением глубочайшей признательности и изложил свои вопросы и предложения, касающиеся развития кафедры:

«...Признавая вполне целесообразным разделение частного земледелия на две кафедры: 1-ю, в ведение которой входит кафедра частного земледелия в обычном его понимании и преподавании; 2-ю, в ведение которой входит селекция в широком смысле (сортоведение и сортовыведение) и, имея склонность работать именно во второй области, я принципиально согласен занять вторую кафедру частного земледелия.

Для обеспечения существования кафедры в смысле преподавания и исследовательской работы, прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, я просил бы Совет в самые ближайшие дни выслушать бы меня:

1. Что понимает Совет под второй кафедрой частного земледелия;

2. Определить средства второй кафедры земледелия;

3. Полевую площадь под питомник культурных растений и селекционной работы;

4. Помещения для профессора, лабораторий для занятий студентов, комната для ассистента и комната для хранения селекционного и коллекционного материалов.

При выяснении 2, 3 и 4 пунктов мне бы казалось необходимым, чтобы при выделении средств, помещений и тер-

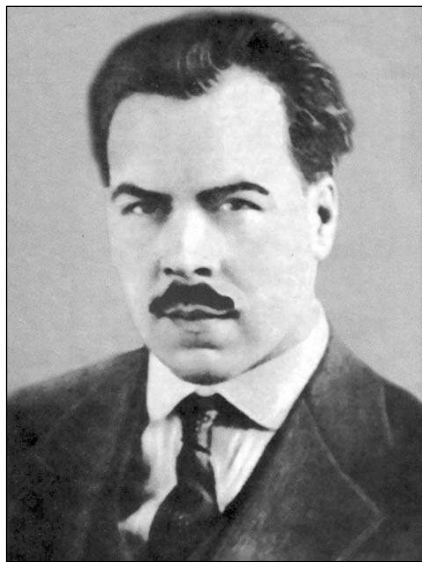
риторий не пострадали интересы первой кафедры частного земледелия...»

Отдельно составлено ученым приложение — «Объяснение к вышеизложенным пунктам».

Николай Иванович набрасывает схематические планы селекционного поля, ботанического питомника, планировку кабинета второй кафедры частного земледелия.

У Н.И. Вавилова были весьма серьезные намерения начать свое становление как ученого именно в стенах Воронежского СХИ...

...К сожалению, события того периода не были лучшими для Воронежского СХИ. Директор института К.Д. Глинка болел и несколько раз подавал заявление в Ученый Совет с просьбой освободить его от занимаемой должности. Видимо, по этой причине Глинка не смог уделить внимание ситуации с вопросом о трудоустройстве Н.И. Вавилова. Кроме того, пожар Первой мировой войны затронул и Воронежский СХИ. Студенты 1886 года рождения уже с 31 января 1916 года подлежали к призыву в армию. Студенты, имевшие отсрочку, лишились ее. Малочисленный контингент студентов мог сократиться наполовину. Поэтому в вузе шла работа по закреплению студентов, подлежащих призыву, за организациями, оказывающими агрономическую помощь населению — тогда призывники получали право на отсрочку от «войны». К тому же среди студенчества были сильны революционные настроения, что существенно влияло на весь процесс обучения. Эти обстоятельства, можно полагать, и затаили ответ Вавилову. Лишь 2 августа было принято решение, в котором учитывались все предложения и просьбы Вавилова. Но этот документ запоздал. 18 августа руководство СХИ получает телеграмму от Н.И. Вавилова с отказом от предложенной должности. Фактор времени — вот главная причина выбора Вавиловым местом работы в Саратове. Это подтверждает и С. Резник в своей книге.

Николай Иванович Вавилов

«...Подходил к концу срок «подготовки к профессорской деятельности». Надо думать о будущем. Н.Вавилов навел справки и узнал, что в Воронежском сельскохозяйственном институте появилась вакансия адъюнкт-профессора кафедры частного земледелия. Более подходящего места для себя он не мог и вообразить!

Селекционная станция Петровки, где он вел исследования по иммунитету растений и другие работы по изучению их наследственной природы, состояла при кафедре частного земледелия Прянишникова. Такую работу Вавилов с удовольствием продолжал бы в Воронеже!

Убедившись, что руководство института благосклонно относится к его кандидатуре, он подал официальное заявление и стал готовиться к переезду в Воронеж. Отрадно было и то, что там работал близкий ему человек — Николай Макаров.

Прошло полгода, а из Воронежа никакого ответа. Неопределенность положения стала тревожить Вавилова. И вдруг он узнает, что на то же место, никому ничего не сказав, подал другой сотрудник Прянишникова Иван Вячеславович Якушкин — родной брат его помощницы по Тимирязевке.

Разговор с Якушкиным «начистоту» его ошелолил. Не моргнув глазом, тот очень просто объяснил свой неблагоприятный поступок: ему очень хочется получить место в Воронеже!

Николай Иванович слушал и не верил своим ушам. Он не мог себе представить, что такое возможно в сияющем храме науки, где все призваны поддерживать друг друга, а не ставить подножки! Неписанные правила научной этики не допускали этого. Ведь о том, что Вавилов подал заявление на кафедру частного земледелия Воронежского института, все хорошо знали, знал о том и Якушкин. Но, с кем-то посекретничав и получив какие-то обещания, он тоже подал заявление на ту же позицию и держал это в тайне до тех пор, пока скрывать уже стало невозможно.

Такое вероломство не укладывалось в голове. И подумать только, от кого оно исходило! Если Вавилов сын купца, внук крепостного крестьянина, то Якушкин столбовой дворянин голубых кровей, герб его рода красовался в 4-й части Общего гербовника, его предки служили воеводами, стольниками, стряпчими, послами. Его прадед, современник Пушкина, был блестящим офицером, храбро сражался против Наполеона, был человеком чести, не терпел царского произвола. Участвовал в тайном обществе, пережил разгром декабрьского восстания, был приговорен к каторге. После 30 лет каторги и ссылки был помилован, написал воспоминания, которыми зачитывалась вся образованная Россия! А правнук, слегка ухмыляясь и с трудом сдерживая злорадство, почти открыто торжествовал по поводу того, как хитро объегорил наивного плебея!

Вавилов не мог предполагать, сколь роковым демоном станет для него Иван Вячеславович Якушкин. В те весенне-летние месяцы 1917 года Якушкин тоже об этом не подозревал.

Первым порывом Вавилова было забрать свое заявление из Воронежского института! Но, поостыв, он решил этого не делать. С какой стати облегчать

жизни ректорату, поступившему с ним столь некорректно.

Понятие «частное земледелие» было довольно расплывчатым: от руководителя кафедры зависело, какое из возможных направлений развивать. Направления работы Вавилова и Якушкина были разные. Ивана Вячеславовича интересовало питание растений, обработка земли, севообороты; Вавилова — сами культурные растения. Воронежскому ректорату предстояло решить, какое из двух направлений для него предпочтительнее.

Не снимая своей кандидатуры в Воронеже, Вавилов подал прошение на должность преподавателя Саратовских высших сельскохозяйственных курсов. Курсы эти были очень молоды: созданы только в 1913 году. Репутация их еще не установилась. У истоков их создания стоял видный ученый-животновод Б.Х. Медведев, он и стал их ректором. Он откликнулся быстро: Вавилову предложено место преподавателя.

А из Воронежа ни слуху, ни духу.

Наконец, он узнает — опять от Якушкина! — что тот избран штатным адъюнкт-профессором. Вавилов тоже избран, но на сверхштатную кафедру, о ее учреждении решено ходатайствовать.

Очень уж это похоже на попытку сохранить хорошую мину при нечистой игре. Идет 1917 год, в стране революция. Предприятия стоят, рабочие митингуют, солдаты массами бегут с фронта, во Временном правительстве раздраз, государственный бюджет трещит по швам — какие там сверхштатные кафедры! И почему Вавилов узнает об этом от Якушкина, а не от воронежского ректората?

Вавилов ставит себе срок — первое июля. Так и не дождавшись ответа из Воронежа, он принимает предложение Б.Х. Медведева.

Молодые саратовские курсы менее престижны, чем Воронежский институт, а позиция преподавателя менее престижна, чем адъюнкт-профессора, да и жалование значительно ниже. Зато «Саратов очень радушен», как сообщил Николай Иванович в Воронеж Макарову...

О том, что было дальше, узнаем из

писем одного из ведущих сотрудников Отдела прикладной ботаники Александра Ивановича Мальцева. В ноябре 1917-го Регель послал его в Каменную Степь — спасти тамошнюю Опытную станцию. Н.И. Вавилов в Каменной Степи был не однажды...» (*Семен Резник. «Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время». 2017 г.*)

ВАВИЛОВ В ВОРОНЕЖЕ

Первая встреча молодого Вавилова с Воронежем была вызвана трагическим обстоятельством — смертью его сестры Лидии Ивановны. Она, ученый-микробиолог, поехала в Воронеж на ликвидацию вспыхнувшей эпидемии черной оспы и заразилась от больных, которых лечила.

1920 год в жизни Н.И. Вавилова был отмечен крупным событием — он завершил большую работу по установлению закона гомологических рядов в наследственной изменчивости растений. Об этом с докладом Вавилов выступил на проходившем в Саратове III Всероссийском съезде селекционеров. Участники съезда отправили телеграмму в Москву: «Совнарком, Луначарскому... Выслушан доклад Н.И. Вавилова исключительного научного и практического значения...» А один из участников съезда произнес слова, которые определили важность не только прошедшего форума, но и масштаб коллеги-ученого: «Съезд стал историческим. Биологи приветствовали своего Менделеева». Второй раз с этим докладом Н.И. Вавилов выступил в Воронеже в сентябре на I Всероссийском съезде по прикладной ботанике.

Великая земледельческая держава перед революцией производила пятую часть всего хлеба на Земном шаре и, тем не менее, долгое время в России не было научного центра по сельскому хозяйству. Бюро по прикладной ботанике возникло лишь в 1894 году и влачило жалкое существование. Его руководитель, известный ученый Роберт Эдуардович Регель с небольшим количеством сотрудников собрал и изучил почти три тысячи образцов

ячменя, исследовал русские сорта пшеницы и сорнополевую растительность.

В первые годы советской власти был поднят вопрос о широком обмене научным опытом, о внедрении научных достижений в сельскохозяйственную практику. Местом проведения съезда по прикладной ботанике был определен Воронеж. Дело в том, что Воронежская областная и Каменно-Степная сельскохозяйственные опытные станции выделялись своей организованностью, научными силами. Бюро оргкомитета по созыву съезда, в который входили профессора Воронежского СХИ Б.А. Иванов и С.К. Чайнов, возглавил В.А. Келлер. В числе двухсот делегатов были представители научных учреждений Москвы, Петрограда, Саратова, Харькова, Курска, Тамбова, Кубани и других регионов. В президиум съезда вошли А.А. Ячевский (председатель), Н.И. Вавилов, В.Р. Зеленский, В.И. Талиев...

Контакты представителей Воронежского СХИ во время съезда не ограничились только встречами К.Д. Глинки с Н.И. Вавиловым. До того Вавилов регулярно и на длительные сроки приезжал в Каменную Степь. Из воспоминаний бывшего сотрудника Каменно-Степного отделения Всесоюзного института растениеводства Л.В. Лузина: «Приезд Вавилова в Каменную Степь для всех нас был большим событием и радостным праздником. Николай Иванович обычно со всем коллективом осматривал опытные посевы каждого сотрудника. Каждая работа разбиралась, что называется, по косточкам. Выдвигались планы новых опытов, новые предложения по дальнейшим исследованиям. Эти коллективные «экскурсии» и обсуждения работ были весьма полезны».

В 1932–1934 годы Каменно-Степная опытная станция была реорганизована в Центральном-Черноземный селекционный центр. Вавилов проявлял неизменный интерес к сети географических посевов мировых коллекций растений, собранных в его экспедициях, поэтому не было случайным посещение ученым Каменной Степи летом 1934 года.

Он также постоянно уделял внимание истории сельского хозяйства. Характерно, например, его высказывание по поводу триумфального шествия по российским полям новой масличной культуры — подсолнечника, второй родиной которого по праву считается слобода Алексеевка Воронежской губернии, а производителем подсолнечно-маслобоянного производства — крепостной крестьянин Данила Семенович Бокарев: «Придя в Россию из Америки в XVII–XVIII веках вместе с другими культурами, как табак, картофель в середине XIX века, подсолнечник сделался «исконной» русской культурой, сосредоточившейся в Воронежской, Саратовской губерниях и Кубанской области»...

ВАВИЛОВСКИЕ ТРИЛЛИОНЫ

В 2006 году под эгидой ООН на острове Шпицберген был создан Всемирный банк — семеновохранилище. Цель банка — сохранить посадочный материал всех сельскохозяйственных растений, существующих в мире. Задача — не допустить уничтожения семян в случае общемировых катастроф. Проект, рассчитанный на сохранение 4 миллионов образцов семян, профинансирован Норвегией и обошелся в 9 миллионов долларов.

Идею создания подобного семеновохранилища впервые сформулировал выдающийся русский ученый Николай Вавилов. С 1923-го по 1940 год Вавилов и его сотрудники провели 180 экспедиций, из них в 65 зарубежных странах.

Попытаемся сравнить масштаб Всемирного банка XXI века и коллекции Вавилова середины XX века — коллекция, собранная русским ученым, соотносима не с нынешней «коллекцией» Всемирного банка, а с его перспективным объемом. Вавилов, призывавший, что необходимо «добыть, собрать, изучить и реализовать «залежи сортовых руд», не только собрал образцы семян растений, но также установил более 60 агроэкологических областей, из которых семь обозначил главными. Сегодня коллекцию ВИР оценивают в 2,4 триллионов долларов.